

ЧЕМ ДОРОГ нам Бетховен? Не так просто ответить на этот вопрос. Людвиг ван Бетховен принадлежит к числу немногочисленных художников, остающихся нашими «вечными спутниками» на протяжении всей жизни. К его музыке мы обращаемся вновь и вновь, всякий раз открывая в ней что-то не привлекавшее прежде наше внимание.

Еще в детские годы знакомимся мы с простой и доброй песенкой «Сурок». В отрочестве и юности — с пламенными порывами и лирическими раздумьями прославленных фортепьянных сонат: ля мажорной с ее затаенно-страстным «Ларго аппассионато» (Куприн поставил это название эпиграфом к своему «Гранатовому браслету»), «Патетической», «Лунной» и наконец — «Аппассионатой», которую так любил В. И. Ленин.

Постепенно открывается нам и мир симфоний великого немецкого композитора. Мир, в центре которого — героическая личность, готовая к единоборству с судьбой, к самопожертвованию, подвигу. В Третьей «Героической» и в Пятой симфониях всего ярче сказался этот, впервые с такой силой зазвучавший в мировом музыкальном искусстве, героический порыв. А знакомясь с «четными» симфониями Бетховена и прежде всего с Шестой «Пасторальной», мы с удивлением узнаем, каким добрым, простодушным и веселым может быть этот ваятель титанических образов, которого так часто и справедливо сравнивают с Микеланджело...

Не легко охватить во всей полноте симфонизм Бетховена. Нужно очень и очень вслушиваться и вживаться в его музыку, чтобы постигнуть всю грандиозность замысла Девятой симфонии. Девятая — это как бы синтез всего самого глубокого и значительного, что было создано в музыке и самим Бетховеном, и его предшественниками. Образы жизненных бурь и горьких утрат, мирные картины природы и жизни людей, к природе близких, — все воспринимается как пролог к единственному в своем роде финалу, впервые в истории симфонической музыки объединившему звучание оркестра и хора. Это ве-

личественный гимн радости, призыв к братству всего человечества. Глядя вперед, в будущее, композитор вкладывает в уста хора великие и пророческие слова, обращенные к грядущей радости:

Власть твоя связует свято
Все, что в мире врозь живет,
Каждый в каждом видит брата
Там, где веет твой полет.

Но и постигнув Девятую, мы не можем сказать, что знаем все о Бетховене. Если мы продолжаем общение с его музыкой, нам откроют-

МУЗЫКА, ЖИВУЩАЯ ВЕКА

В. ВАСИНА-ГРОССМАН,

доктор искусствоведения

ся и сумрачные, одинокие раздумья его поздних сонат и квартетов, в которых иногда неожиданно — как цветы в каменистом ущелье — расцветают такие нежные и трогательные мелодии, как «Ариетта» из последней сонаты...

Свой жизненный путь Бетховен прошел среди бурь и тревог. Он был свидетелем и Французской революции, и наполеоновских войн, и поры мрачайшей реакции. Он разделил с современниками все надежды и разочарования своего времени. Вспоминая те же годы, Пушкин писал:

Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы!

И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Но кто знает, создал ли бы композитор такие яркие, жизненно достоверные героические образы, если бы он жил в эпоху более спокойную и мирную? Удалось ли бы ему нарисовать картину такой яростной схватки человека с судьбой в Пятой симфонии, был ли бы таким светлым и ликующим образ радости в Девятой? Радости, не дарованной «свыше», а выстраданной и завоеванной?

Интересно вспомнить, как проходил предыдущий юбилей Бетховена пятьдесят лет тому назад. Страна жила тогда трудно и бедно, но жадно тянувшись к искусству люди, впервые получившие доступ ко всем сокровищам культуры. И юбилей Бетховена отмечался у нас шире и демократичнее, чем в любой другой стране. В Москве были исполнены все его симфонии, «Торжественная месса» и другие сочинения, а в бывшем «царском» фойе Большого театра был открыт Бетховенский зал для исполнения камерных произведений. Нарком просвещения А. В. Луначарский произнес на концертном митинге, посвященном Бетховену, замечательную речь.

«Нам хотелось бы видеть сейчас среди нас Гёте, Софокла, но никого из них сердце не жаждет так, как Бетховена, — говорил он. — ...Хотелось бы прижаться к нему, как сын к отцу, хотелось бы поцеловать ту руку, которая запечатлела эту веру и эти страдания на нотной бумаге».

В этих словах звучит преклонение перед Бетховеном не только как перед художником, прославившим героические порывы и свершения, но и как перед человеком, сама жизнь которого была героическим подвигом. Судьба не пощадилась для него на тяжкие испытания: нужда, одиночество, разочарование в самых близких людях... И, наконец, самое страшное — глухота, оторвавшая его от общения с людьми и с музыкой, за исключением той, которая звучала в нем самом. И одинокий, больной, почти вытесненный из музыкального мира более удачливыми современниками, Бетховен и в самые тяжелые годы жизни создает произведения, полные мужества и душевной чистоты.

Что помогало ему? Нет сомнения, прежде всего — сознание, что его искусство нужно людям, что оно способно укрепить их стойкость, их веру в будущее.

Таким он и останется навеки в нашей памяти и памяти наших потомков. Великим художником и великим человеком. Человеком с большой буквы. Человеком — на все времена.

17 ДЕК 1976

ВЕРНИК МОСКВА
Г. МОСКВА